

3. *Бондарко А. В.* О структуре грамматических категорий. М. : Вопр. языкознания, 1981. № 6.
4. *Карацук П. М.* Аффиксальное словообразование в английском языке. М. : Высш. шк., 1975.
5. *Шахрай О. Б.* К вопросу о суффиксальной полисемии и омонимии (на материале субстантивного суффикса -ег в современном английском языке). М. : Филол. науки, 1969.
6. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика. М. : Наука, 1980.
7. *Кубрякова Е. С.* О связях между лингвистикой текста и словообразованием // Лингвистические проблемы текста. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 217. М., 1983.
8. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: роль языка в познании мира. М. : Яз. славян. культуры, 2004.
9. *Сильницкий Г. Г.* Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1986.
10. *Сильницкий, Г. Г.* К проблеме соотношения семантических и формальных признаков английских глаголов // Семантика английского глагола в соотношении с признаками различных языковых уровней. Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1988.
11. *Уфимцева А. П.* Семантика слова. М. : Наука, 1980.

Поступила в редакцию 10.01.2014

УДК 81.02

МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РИТОРИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ (КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

С. А. Дубинко

Исследуются вопросы метафоричности англоязычного дискурса как средства эффективного речевого воздействия в двух аспектах: риторики, т. е. с точки зрения выбора стратегий и тактик речевого поведения, и учета коммуникативной специфики той или иной культуры. Метафоричность рассматривается как важное средство риторического воздействия в широком понимании термина «риторика», а метафора/риторическая фигура — как языковое явление, отражающее базовый когнитивный механизм. Лингвистический анализ данного явления показывает, что в современном англоязычном дискурсе оно носит многоступенчатый характер, а его изучение может значительно повысить нашу компетентность относительно коммуникативной специфики той или иной культуры.

The article studies metaphor as a means of effective communicative impact in the English discourse in two aspects: rhetorical, i. e. in the aspect of the choice of strategies and tactics of speech behavior on the one hand, and the communicative nature of this or that culture – on the other. The phenomenon of metaphor is considered as an important means of rhetorical impact in a broad meaning of the term “rhetoric”, and metaphor/rhetorical figure is regarded as a linguistic phenomenon which reflects the basic cognitive mechanism. The linguistic analysis of this phenomenon shows that metaphor in modern English discourse has a multi stage character. It is underlined that the study of this complex phenomenon can promote our competence with regard to the communicative nature of this or that culture.

Ключевые слова: концептуальная метафора, стертые метафоры, англоязычный дискурс, риторика, стратегии и тактики речевого поведения, кросс-культурный аспект.

Keywords: conceptual metaphor, conventional metaphor, English discourse, rhetoric, strategies and tactics of speech behavior, rhetorical impact, cross-cultural aspect.

Введение. Метафора не является чисто языковым явлением, присутствующим исключительно поэтической речи или риторике в узком понимании этого термина. Более того, в современных работах, посвященных детальному исследованию такого явления, как метафоричность, подчеркивается, что метафора в поэтической речи в большинстве случаев является проявлением базовых концептуальных метафор, используемых в повседневной жизни. Метафорические инновации поэтов заключаются не в создании метафорической мысли, а в использовании уже существующих форм метафорической мысли для того, чтобы создавать новые сочетания метафорических схем. Языковая метафора рассматривается как явление, которое носит вторичный характер по отношению к концептуальной метафоре, заложенной в понятийной системе человека и отражающей его восприятие, мышление и деятельность [1, с. 272]. Именно потому, что наше мышление носит метафорический характер, а абстрактные концепты непременно, хоть и неосознанно, облекаются в метафорическую форму, концептуальная метафора отражает все сферы человеческой деятельности и повседневного опыта. Детальная классификация метафор представлена в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона и М. Тернера [2, 3, 4]. Для концептуализации различных сфер деятельности (внешней политики и международных отношений, права, экономики и др.) чаще всего используются следующие наиболее частотные группы метафор: «государство как человек» (государства могут быть друзьями, братьями, врагами, соседями и т. д.), метафоры движения, метафоры чувственного восприятия, времени. Анализ современного англоязычного дискурса показывает, что некоторые так называемые «стертые»,

или «мертвые», метафоры настолько глубоко укоренились в понятийной системе человека, что обычно не осознаются как образные выражения: *You don't use your time profitably* 'Вы не используете свое время с выгодой', *You need to budget your time* 'Тебе необходимо составить бюджет своего времени'. В современных когнитивных исследованиях предпочтение традиционно отдается изучению ярких, новаторских, «индивидуально-авторских» метафорических употреблений [5, с. 43]. Речь, таким образом, идет об уровнях метафоризации, используемых в целях эффективного речевого и коммуникативного воздействия.

Основная часть. Проблема метафоричности дискурса в силу природы, эффективности и сферы речевого воздействия этого явления рассматривается нами в двух аспектах: риторическом и кросс-культурном, что предполагает изучение лингвистических и экстралингвистических средств эффективного речевого взаимодействия в выборе стратегий коммуникативного и речевого поведения. Выбор метафор, уровни метафоричности тесно связаны со стратегиями и тактиками речевого и коммуникативного поведения, которые и являются предметом исследования риторики, этнолингвистики, психолингвистики, социолингвистики, и интерес к ним возрастает в век информационных технологий, пиара, этнических конфликтов. Коммуникативный аспект исследования метафоричности дискурса как средства риторического воздействия включает: 1) устранение непонимания и избежание дефектов коммуникации и коммуникативных неудач; 2) создание убедительного и аргументированного высказывания; 3) разработку эффективных форм работы по обучению эффективному общению.

При этом необходимо учитывать коммуникативную специфику того или иного языкового сообщества.

Важное направление современных лингвистических исследований связано с бурным развитием в последние десятилетия изучения дискурса как некоторого единого процесса, центрального для коммуникативной деятельности. Сложность и многогранность такого явления, как дискурс, и попытки выделить основные факторы, влияющие на его жанры и формы, довольно быстро привели к развитию ряда направлений, изучающих несобственно языковые (помимо грамматики и лексики) факторы существования дискурса. Внутри пространства дискурсивной прагматики выявились факторы культурного характера. Дискурс на одну и ту же — даже весьма жестко заданную — тему (например, деловое письмо, выражение соболезнования, речь на собрании, извинение по поводу опоздания и т. д.) сильно отличается в терминах собственно дискурсивных правил (используемых макро- и микроструктур) в зависимости от культуры той группы, в рамках которой этот дискурс сформирован.

Кросс-культурные исследования дискурса в целом могут иметь своей целью выявление культурно обусловленной картины мира, стоящей за рассказами о происшествии или о наиболее запомнившемся событии.

Перспективным направлением развития исследований по прагматическим аспектам дискурса стала кросс-культурная прагматика, занимающаяся сопоставительным анализом отдельных принципов, характеризующих коммуникативную деятельность, и соответствующих культурных сценариев. Интерес представляют те области, где языковая структура конкретного языка не навязывает жестких запретов на употребление той или иной формы, где возможна вариативность, выбор той или иной стратегии. И то, какая стратегия будет выбрана, в какой именно культурный сценарий воплощается данный дискурс (данное выражение), зависит от культурных особенностей соответствующей коммуникативной общности.

Нередко кросс-культурные лингвистические исследования принимают форму сопоставительного анализа разных языков и «языков» двух культурно противопоставленных групп, пользующихся одним общим языковым кодом. Самые простые высказывания представителей этих двух групп, сделанные на одном, английском, языке, понимаются ими неодинаково в рамках разных сценариев.

Культура в широком смысле слова включает два аспекта. Первый – история цивилизации. Второй аспект – социокультурный – (т. е. повседневная деятельность людей, их обычаи, образ мышления, ценности). Если первый аспект обычно отражается в преподавании иностранного языка через знакомство с географией и историей англоговорящих стран, достижениями науки и искусства, то второй компонент является тем связующим звеном, без которого невозможно эффективное речевое общение, который постигается с первых этапов процесса обучения языку. Именно с этим аспектом тесно связаны понятия метафоричности и нормы коммуникативного поведения, а также успех или провал коммуникации.

К главным социологическим принципам, чье воздействие на языковую интеракцию невозможно преуменьшить, относятся языковые стратегии компенсации угрозы социальному лицу собеседника, а также традиции использования прямых и косвенных тактик речевого взаимодействия, которые имеют социологические и культурологические корни. Принцип компенсации угрозы основан на представлении о существовании у каждого индивида так называемого социального лица и его центральной роли в коммуникации. Эти социологические по своему характеру принципы находят непосредственное отражение в прагматических стратегиях, управляющих коммуникацией, и в когнитивных структурах, являющихся ее основой и одновременно продуктом. И те и другие включают в себя два вида знаний (норм, установок, ценностей). Одни, наиболее базовые,

принадлежат общему фонду знаний Homo Sapiens, а другие характеризуют культуры и лежат в основе культурно обусловленной коммуникативной компетентности той или иной группы.

Фундаментальные ценности каждой культуры связаны с метафорической структурой самых фундаментальных концептов данной культуры. Есть ценности, которые глубоко укоренились в разных культурах. Можно проследить различия в их ценностях на примере концептуализации времени. Так, в линейных культурах, к которым относятся американцы и большинство представителей западноевропейских культур, время является высочайшей ценностью, почитание которой сопоставимо лишь с религией. Монохронический характер этих культур отражается в изобилии метафор: *time is money* ‘время — деньги’, *to waste time* ‘напрасно тратить время’, *time is passing, flying* ‘время проходит, летит’ — в ситуациях, когда не предпринимаются конкретные действия для принятия важных решений. В мультиактивных культурах, к которым тяготеют некоторые южноевропейские (Испания, Италия) и арабские страны, отношение ко времени носит полихронический характер (планируется несколько событий в единицу времени) [6, с. 53.]. Отсюда — свободное отношение к повестке дня, которая предусматривает начало, но отнюдь не окончание дискуссии, а красноречие является главной ее составляющей. Приоритеты смещаются в сторону значимости самой встречи, делового свидания, социального события. Время, пунктуальность не имеют столь большого значения, поэтому шкала ожидания растянута, а недопустимая точка оскорбления ввиду опоздания на встречу очень далека от понятия пунктуальности. Время можно *растянуть, экономить, распределять* ‘to stretch time’, ‘to dispense with time’, им можно *манипулировать* ‘to manipulate time’. В циклических культурах (Таиланд и др.) все подчиняется ритму в природе, обществе, все предопределено сверху и не нужно ничего менять, нужно лишь *ждать своего часа*. Время — *pool* ‘омут’, ‘пруд’, ‘заводь’, и нужно лишь осторожно и постепенно обойти его вокруг.

Приоритеты ценностей по-разному распределяются и в различных субкультурах, и даже у разных индивидов. Так, понятие *чем больше, тем лучше* может вступать в противоречие с вопросом: мне следует сейчас выбрать большую машину, за которую я буду выплачивать кредит из своей зарплаты длительное время, или же я ограничусь более дешевой маленькой машиной. Выбор будет определяться отношением индивида к концепту будущего, является ли оно для него первостепенной ценностью, и тогда лучше отказаться от машины, которая будет «съедать» большую часть его зарплаты по выплатам.

Лингвистические исследования показывают, что мы не просто говорим в терминах метафоры, но выигрываем или проигрываем споры, отстаиваем

или теряем свою позицию и доводы, подвергаем атаке чью-то точку зрения. Другими словами, мы планируем и используем средства убеждения, аргументации, стратегии и тактики речевого и коммуникативного поведения, таким образом апеллируя к законам риторики в широком понимании этого термина. Если мы находим нашу позицию неубедительной, то можем отступить и выбрать новую линию атаки. Многие из того, что мы делаем, структурировано базовыми концептуальными метафорами (например, войны/мира и т. д.). И хотя нет сражения в прямом физическом смысле этого слова, оно по сути дела переносится на поле вербальной битвы [1, 4]. Мы атакуем, защищаемся, подвергаемся и подвергаем контратаке, и наши логические доводы и аргументы, прямые или косвенные тактики речевого поведения с помощью соответствующих метафор, закрепившихся в когнитивной базе той или иной культуры, отражают это.

Вопрос о возможностях прямых и косвенных тактик речевого воздействия замыкается фактически на два круга проблем: проблемы искренности и проблемы эффективности высказывания. Различия в выборе прямых и косвенных тактик речевого воздействия носят культурологический характер и проявляются в различных образцах как устной, так и письменной речи. Эффективности выбранной тактики способствует метафоричность, а уровни метафоричности определяют степень риторического воздействия данного дискурса.

Риторика закладывает в структуру сообщения такие научные критерии, как критерий истинности (категория «логос»), критерий искренности (категория «этос») и критерий релевантности речевого поведения (категория «пафос»), которые призваны обеспечить эффективность речи. При таком взгляде на риторику становится очевидным, что использовать ее действительно можно не только применительно к публичным речам, но и к широкому кругу самых многочисленных и разнообразных ситуаций, в которых собеседники вступают в речевое взаимодействие – будь то выступление перед аудиторией или разговор двух друзей при закрытых дверях. Ведь убедить означает прежде всего приобрести союзника.

«... риторизм не принадлежит к каким-либо эпохам культуры исключительно: подобно оппозиции “поэзия/проза”, оппозиция “риторизм/антириторизм” принадлежит к универсалиям человеческой культуры» [7, с. 175]. Чтобы речь была эффективна, она должна обладать свойствами новизны, уместности и правильности. Риторика предоставляет говорящему возможность широко воспользоваться разнообразными средствами прямого и фигурального выражения. За традиционным термином «речевые фигуры» стоят формы непрямого воздействия на аудиторию. В действительности никакого противоречия между фигуральной и точной речью нет. Следует особо подчеркнуть, что фигуры рассматриваются как

органическое свойство языка, без которого живой язык немислим. Речь идет не о том, чтобы «делать фигуры из языка», а о том, чтобы, находя фигуры в языке, использовать их как можно эффективнее. Под термином «речевая фигура», или «метафора», мы понимаем способы косвенного речевого воздействия. Признание возможностей разных форм языкового выражения одного и того же содержания приводит к идее выбора стилистически отмеченных форм и к использованию их с целью убеждения слушающего. Таким образом, сам язык через его фигуры становится эффективным средством воздействия на слушателя [8, с. 542]. Используя богатейшие возможности языка, логические и аналитические средства убеждения (в реальной речевой практике говорящий редко пользуется «логически чистыми» умозаключениями, довольствуясь чаще всего энтимемами), риторика способна создавать эффекты необыкновенной силы.

Различные языковые формы, выражая одну и ту же форму мысли, имеют дополнительную риторическую нагрузку. Естественный язык не мог бы быть полноценным средством общения между людьми, если бы он не располагал таким богатством форм, способных нести любой оттенок мыслей и чувств. Но так как языковых средств, служащих для выражения логических умозаключений, значительно больше, чем самих логических форм, то, естественно, для одной и той же логической формы умозаключения используется множество специальных языковых форм.

Используя широкие возможности своих категорий (инвенции, диспозиции, элокуции), риторика сформулировала основные приемы прямого и косвенного воздействия на слушателя — говорящему предлагается широкий выбор возможностей, используя которые он добивается убедительной речи. Привлекая сведения из теории коммуникации и используя возможности контент-анализа, риторика исследует влияние и эффективность речи, постулируя ее диалогичность. Общие места при этом являются средством установления речевой коммуникации и той основой, которая обеспечивает общепонятность нового, индивидуального, что гарантирует эффективность как прямых, так и косвенных тактик воздействия в каждой конкретной ситуации. В основе данного вывода об эффективности использования тактик речевого воздействия лежит взгляд на речевую фигуру/метафору как на языковое явление, отражающее базовый когнитивный механизм. В соответствии с этим языковые метафоры являются всего лишь проявлением так называемых «концептуальных метафор», заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление, деятельность [1, с. 123]. Исследование уровней метафоричности того или иного дискурса, плотности концептуальных метафор, а также их соотношения с базовыми, онтологическими метафорами могло бы существенно повысить нашу компетентность относительно коммуникативной

специфики данной культуры, а также пролить свет на особенности понятийной структуры английского дискурса.

Метафорические явления отражают сферу когнитивных категорий, с одной стороны, и область экстралингвистического знания – с другой. В связи с этим анализ метафоричности невозможен без привлечения знаний о мире, которые являются продуктом взаимодействия человека с окружающей средой и другими людьми. В процессе функционирования языка онтологизация знания происходит по двум измерениям: коммуникативному, или синтагматическому (введение знаний в модель мира адресата), и языковому, или парадигматическому (фиксация знаний в структуре языка). Описание и объяснение языковых явлений дает возможность выявить те когнитивные структуры, которые закреплены в структурах естественного языка. Когнитивное описание языковых единиц предполагает построение концептуального образа соответствующей языковой сущности, а прямые и косвенные тактики речевого воздействия отражают когнитивные сценарии коммуникации.

В современных исследованиях когнитивной метафоры подчеркивается тесная связь этого явления с поэзией, политикой, психологией, физикой, компьютерной наукой, математикой, философией. Прослеживается связь концептуальной метафоры с аллегорией, составляющей основу сюжета литературного произведения, а также пословиц [1, с. 266]. Исследования в этих областях показывают, как многогранна метафора, которая структурирует образ нашего мышления и даже то, какие мысли допустимы.

Анализ метафоричности различных видов дискурса в английском языке позволяет наиболее наглядно реализовать интегративный подход к использованию стратегий речевого и коммуникативного поведения, прямых и косвенных тактик речевого взаимодействия, с одной стороны, и продвинуться в изучении специфики англоязычной культуры – с другой. Примером реализации этих двух тактик могут быть два варианта предостерегающих объявлений в подвальном кафе, куда ведет узкая крутая лестница: *Warn out!* ‘Будьте осторожны’ (прямая тактика речевого воздействия) и *Duck and Grouse* ‘Резко наклоняем голову и ворчим’ (косвенная тактика). В последнем примере *Duck* означает также ‘утка’, ‘нырять’, а *grouse* – ‘куронамка’, т. е. английский юмор вполне удачен для косвенной тактики и смягчения императива косвенной тактикой.

Политика – это та сфера, в которой использование языка влечет за собой самые широкие социальные последствия, демонстрируя власть языка над умами, его способность манипулировать общественным сознанием и умонастроениями масс. Наиболее популярной формой констатации политики являются политические речи, которые сочетают в себе и театр, и

политическую декларацию, и искусство. Сочетание тактик прямого и косвенного речевого воздействия с учетом традиций культуры общения делают произведения ораторского искусства особенно интересными с точки зрения аргументации, взывающей к логике, и убеждения, действующего на эмоции, которые успешно используют метафоричность как средство эффективного речевого взаимодействия в данной лингвокультуре. В своем эссе “Metaphor and War”, которое получило распространение через интернет-ресурсы накануне войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф детально анализирует не только использование метафоры для убеждения населения США в неправильности курса правительства в данном вопросе, но и роль концептуальной метафоры в планировании внешней политики в целом [9]. Детально показано, как использование метафоры для концептуализации политической и экономической ситуации в Ираке систематически скрывало самые ужасные последствия войны в этом регионе. В работе “Moral Politics” Дж. Лакофф анализирует политические взгляды консерваторов и более прогрессивных политиков США. Их взгляды на такие проблемы, как налогообложение, смертная казнь, контроль над вооружением, социальные программы, защита окружающей среды, социальные программы, нашли отражение в совершенно противоположных программах. Тем не менее каждая из этих программ звучит убедительно и кажется вполне когерентной. Ответ заключается в том, что взгляды авторов каждой из названных программ собраны и систематизированы объединяющими каждую из них в отдельности метафорами морали, которые, в свою очередь, организованы противоположно идеализируемыми моделями семьи [10]. Изучение «военных» метафор может в значительной степени пролить свет на различия понятийной структуры английского и русского дискурсов. В английском языке сложился и устоялся свой набор «военных» метафор, которые часто используются при описании различных болезней: *cells are bombarded with rays* ‘клетки подвергаются бомбардировке лучами’. Болезнь рассматривается как вторжение чужих организмов, а тело реагирует на них тем, что мобилизует свои силы: *immunological defenses* ‘иммунологическая защита’, курс лечения — *aggressive* ‘агрессивный’ [11, с. 64–65.]. Однако в английском политическом дискурсе «военные» метафоры используются гораздо реже, чем в русском, и для них в переводе на английский язык подбираются, как правило, более смягченные варианты [12, с. 57–60]. Так, *борьба за мир* на английский язык лучше всего передается как ‘the campaign for peace’, ‘the peace movement’, ‘the drive for peace’, а *борец за мир* — скорее как ‘campaigner’, ‘peace activist’ чем ‘fighter’. *Борьба с наркотиками* переводится застывшей «военной» метафорой ‘war on drugs’ или ‘campaign to combat drugs’. *Борьбу мнений* лучше перевести как ‘clash of opinions’, а *борьбу противоположностей* — как

'clash of opposing views'. *Мы боремся за это* передается как 'we want this', 'we are striving for this', а не как 'fighting' или 'striving'. *Очаги напряженности* лучше передать на английский язык не как 'hotbeds of tension', а как 'focal points, centers of resistance', *фронт борьбы* — как 'those who wish to resist the new foreign policy'.

Наряду с политическим дискурсом важными сферами применения теории метафор являются право, экономика и социальные вопросы. Так, теоретик права С. Уиннер отмечает первостепенную роль метафоры в юридической аргументации [13, с. 56]. Данный дискурс изобилует метафорами, такими как *the Corporation as Person* 'Корпорация как Личность', *real property as bundles of rights* 'недвижимость как пакеты прав', которые являются афористическим выражением понятия «интеллектуальная собственность». Метафора, таким образом, является мощным юридическим инструментом, имеющим сильное воздействие на нашу общественную жизнь.

В текстах экономического характера мы также наблюдаем широкое применение метафор, апеллирующих к таким концептуальным понятиям в нашей повседневной жизни, как время, движение, пространство и т. д.

Так, деньги, финансовые дела часто ассоциируются с жидкостью: *After the merger, the new company will be able to draw on a huge pool of resources* 'После слияния новая компания сможет привлечь новые источники ресурсов'; *Because of the new, high interest rates money is pouring / flooding into Germany* 'Так как новые процентные ставки высоки, деньги вытекают в Германию'; *There is a constant ebb and flow of money in and out of the system* 'Наблюдаются постоянные приливы и отливы денег в и из этой системы'; *The banks have been riding on the crest of wave for longer than anyone expected* 'Банки находятся на гребне волны намного дольше, чем кто-либо ожидал'.

В следующих примерах данного дискурса метафорически используется понятие «время»: *We are running out of time* 'У нас истекает время'; *It's a complete waste of time* 'Это полная потеря времени'; *Look, we've invested a great deal of time and effort in this. We can't back out now* 'Послушайте, мы вложили много денег и усилий в этот проект. Мы не можем отступить сейчас'.

Исследования показывают, что контекст дискурса может не только задействовать несколько наиболее частотных групп метафор, но и предусматривает их последовательное метафорическое проецирование, т. е. речь идет об уровнях, или ступенях, метафоризации дискурса. Например, вначале государства уподобляются людям, что дает возможность осмыслить их политику с точки зрения базовых, первичных категорий опыта перцептивного или моторного взаимодействия с окружающей средой: они имеют свой *характер* и свою *линию поведения*, они могут быть *друзьями, партнерами, врагами*, они могут *хлопать дверь, вбивать клин* и т. д. Концептуализация государства как человека позволяет осмыслить его поли-

тику в отношении других стран в терминах межличностных отношений, которые традиционно передаются через перцептивно-воспринимаемые свойства физических тел: *теплые, близкие, натянутые*, поэтому международные отношения воспринимаются с помощью перцептивных метафор, например *обострение отношений, углубление сотрудничества, ужесточение визового режима, тесные контакты, болезненные переговоры, смягчение позиций* и т. д. [14, с. 193]. Иногда вследствие «когнитивного напряжения» [15] отдельные метафоры в дискурсе развиваются в более крупные образные сценарии: *закрывать от всего мира на противоракетные «засовы», распахнуть все двери*. Оппозиция *близкий/далекий* порождает сценарий *сближения, расхождения позиций, поиска точек соприкосновения*, а оппозиция *теплый/холодный* вызывает сценарий *потепления или похолодания* отношений с сопутствующими политическими *заморозками* и сползанием к *холодной войне*. Последовательная метафоризация может происходить и через активизацию метафор движения: *пойти на попятный, бросать вызов, поднять вопрос*.

Заключение. Эффективное речевое взаимодействие предполагает правильный выбор стратегий и тактик речевого поведения в контексте того или иного дискурса. Этот выбор обусловлен задачами убеждения и аргументации, т. е. главными составляющими риторического воздействия. Важную роль в проецировании стратегий и тактик играет метафоричность, которая рассматривается как языковое явление, отражающее базовый когнитивный механизм, и которая несет в себе коммуникативную специфику той или иной культуры и субкультуры. Выявление особенностей и определение границ между дискурсивными группами опирается на проведение интерактивных глосс. Не только слова, но и целые метафорические системы, тексты и правила, регулирующие общение, характеризуют ту или иную культуру, субкультуру, политическую или экономическую элиту. В современном англоязычном дискурсе различные виды метафор, представляющие наиболее частотные группы «мертвых» метафор, группируются для концептуализации той или иной сферы деятельности и отношений, при этом чаще всего наблюдается явление многоступенчатой метафоризации.

Библиографические ссылки

1. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago and London : University of Chicago Press, 2003.
2. *Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

3. *Johnson C.* Metaphor vs. conflation in the acquisition of polysemy. *Current issues in linguistic theory*. Vol. 152. P. 155–169.

4. *Turner M.* The literary mind. New York : Oxford University Press, 1996.

5. *Склярковская Г. Н.* Метафора в системе языка. М. ; СПб., 1993.

6. *Lewis R.* When Cultures Collide. Boston; London, 2006.

7. *Лотман М. Ю.* Риторика // Избр. ст.: в 3 т. Таллинн, 1992. Т.1.

8. *Топоров В. Н.* Фигуры речи // Лингвистический энцикл. словарь. М., 1990.

9. *Lakoff G.* Metaphor and War: The metaphor system used to justify war in the gulf. Originally distributed by electronic mail, December, 1990. URL: <http://philosophy.uoregon.tdu/metaphor/lakoff-1.htm>

10. *Lakoff G.* Moral Politics. Chicago : University of Chicago Press, 1996.

11. *Sontag S.* Illness as metaphor and aids as metaphors. New York : Doubleday. Anchor Books, 1989.

12. *Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. М. : Р. Валент, 2001.

13. *Winner S.* A cleaning in the forest: Law, life and mind. Chicago : University of Chicago Press, 2001.

14. *Скребицова Т. Г.* Международные отношения в зеркале «перцептивной метафоры» // Докл. IV Междунар. науч. конф. Партенит, Крым, Украина. 23–28 сент. 2002 г. / под ред. С. С. Дикаревой [и др.]. Симферополь, 2002. С. 193–195.

15. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Поступила в редакцию 5.01.2014

УДК 811. 11

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

И. Н. Ивашкевич, И. И. Макаревич

Овладение языком профессионального общения — одно из важных условий для освоения и внедрения передового международного опыта, распространения отечественных научно-практических знаний. Именно поэтому требования, предъявляемые к высококвалифицированным управленческим кадрам, заключаются в глубоком и всестороннем проявлении государственными управленцами коммуникативной компетенции, в основе которой лежит прежде всего овладение